

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В 1950–1960-е гг.

Г. М. Иванова

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 13-01-00034.

Знаковой социальной мерой, повлиявшей на развитие советской системы образования, стала отмена платного образования. Постановление СНК СССР «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий» было принято 2 октября 1940 г. Мотивировалось данное решение предельно просто: «Учитывая возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений, Совет Народных Комиссаров СССР признаёт необходимым возложить часть расходов по обучению в средних школах и высших учебных заведениях СССР на самих трудящихся»¹. Председателем СНК СССР в тот период был В. М. Молотов, именно его подпись стояла под этим документом. Поэтому не было ничего удивительного в том, что и через 15 лет он не изменил своего мнения.

Вопрос о бесплатности образования впервые обсуждался на заседании Президиума ЦК КПСС 24 ноября 1955 г. По предварительным расчётам отмена платы за обучение в средних и высших учебных заведениях требовала выделения из государственного бюджета дополнительных средств в сумме не менее 100 млн руб., но ни с чьей стороны никаких принципиальных возражений не последовало. Серьёзные сомнения высказал лишь Молотов. С его точки зрения, было бы лучше, чтобы эти деньги пошли «на рынок товаров»². С целью проработки вопроса и подготовки официальных предложений Президиум поручил А. И. Микояну сформировать специальную комиссию. Результатом работы этой комиссии стало постановление Совета министров СССР от 6 июня 1956 г. об отмене с 1 сентября 1956 г. платы за обучение³. Так был сделан важный шаг на пути к социальному равенству и демократизации общественных отношений.

Острейшей социальной проблемой для советской системы образования стала в 1950-е гг. школьная безработица. В основе значительного избытка учителей в Российской Федерации лежало резкое сокращение детских школьных контингентов вследствие уменьшения рождаемости в годы Великой Отечественной войны. В конце 1951 г. Министерство просвещения РСФСР представило Совету министров РСФСР доклад, в котором определялись масштабы ожидаемого сокращения количества детей школьного возраста и предполагаемый избыток учителей. В докладе указывалось, что сокращение учащихся по I–IV классам, начавшееся в 1949 г., продлится до 1954 г., по V–VII классам основное сокращение произойдёт в

1954–1958 гг., и по VIII–X классам — в 1957–1961 гг. Министерство просвещения РСФСР предупреждало Правительство республики, что в случае непринятия действенных мер значительный избыток учителей может вызвать безработицу учительских кадров⁴.

Последующие годы показали, что основные расчёты Министерства просвещения оказались верными, однако они не были в должной мере приняты во внимание Советом министров РСФСР. Несовершенство практики планирования подготовки педагогических кадров, а также отсутствие в СССР социальных структур, призванных заниматься трудоустройством граждан, лишившихся работы, усугубляли ситуацию с безработицей учителей. Руководство системы образования не сразу осознало, что в новой демографической обстановке подготовка кадров по принципу «чем больше, тем лучше» может обернуться серьёзными социальными проблемами. Вместо того чтобы резко сократить приём в педагогические училища, Министерство просвещения продолжало осуществлять подготовку учительских кадров в прежнем объёме, в результате чего в 1950–1955 гг. было выпущено до 80 тыс. невостребованных учителей начальных школ. На их подготовку ежегодно затрачивались значительные суммы государственных средств.

С середины 1950-х гг. начала снижаться потребность в учителях семилетних школ. Только за два учебных года (с 1955 по 1957 г.) в школах РСФСР сократилось 93,3 тыс. ставок учителей V–VII классов, а учительские институты по-прежнему выпускали ежегодно 26–28 тыс. молодых педагогов⁵.

Школьная безработица проявлялась главным образом в снижении учебной нагрузки учителей. Это происходило не из чувства товарищества, но под давлением руководителей образовательных учреждений, которые видели в этом единственную возможность трудоустройства учителей. Массовое снижение учебной нагрузки привело к понижению заработной платы у значительного числа школьных работников и, соответственно, к ухудшению их материально-бытового положения. В 1956/57 учебном году 50,5% учителей имели нагрузку ниже минимальной тарифной ставки, многие — менее половины. Повсеместное недовольство и жалобы учителей, всеобщая нервозность, обиды «сокращённых» педагогов-пенсионеров, конфликты между преподавателями и администрацией стали учительской повседневностью 1950-х гг.

Вот характерные строки из письма от 13 сентября 1956 г. Е. П. Кузнецовой, учительницы Мценской семилетней школы с пятилетним стажем, адресованного Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову:

«Я, учительница, имею в этом году работы 10 часов в неделю, и мой заработок исчисляется в 385 руб. в месяц. Не имея никаких других доходов, я, таким образом, обречена на крайне незавидное существование, тем более что у меня семья из четырёх человек, и заработок мужа ни в коей мере не обеспечит хоть сколько-нибудь нормального существования для семьи. Мне 27 лет, но работы нет, материально жить невозможно, особенно в условиях нашего города Мценска. Здесь, и имея нормальный заработок, жить трудно, так как плохо со снабжением даже самыми необходимыми продуктами питания... Бывает очень плохо с керосином, самым необходимым в нашем быту. Приближается зима, а топлива, угля, “простым смертным” достать

невозможно. Он достаётся немногим “избранным” и “по благу”. А при условии, когда я имею месячный заработок в 385 руб., мой прожиточный минимум совсем недостаточен.

Почему же у нас одним все блага, другим — никаких, даже права на труд? Почему никого не волнует судьба тех, кто вынужден работать по 1 часу в день? Почему профсоюз (практически) отмалчивается? Почему никто (как мне кажется) не несёт ответственность за “перепроизводство” учителей и падение их престижа? Нас только жалеют среди населения, что мы — учителя — такие бедные»⁶.

Тяжёлое положение российских учителей не оставалось без внимания со стороны высшего руководства республики. Совет министров РСФСР 10 июля 1956 г. принял постановление о серьёзных ошибках и недостатках в деле планирования подготовки и использования учителей и наказал виновных, допустивших эти ошибки, в частности, заместителей министра просвещения А. М. Арсеньева и П. В. Зими́на⁷. По инициативе Министерства просвещения РСФСР был введён пятилетний срок обучения в педагогических институтах, а учителей стали готовить как специалистов широкого профиля, например, как преподавателей физики, математики и черчения или преподавателей русского языка, литературы и истории. Учительские институты были ликвидированы. Местные руководители провели также ряд конкретных мероприятий, частично за счёт средств социального страхования, которые несколько смягчили безработицу, но в целом положение российских учителей оставалось весьма тяжёлым до середины 1960-х гг. Лишь в 1965 и 1972 гг. в соответствии с правительственной социальной программой были заметно повышены ставки и оклады заработной платы учителей, о безработице к тому времени уже никто не вспоминал.

В 1950–1960-е гг. абсолютные суммы расходов на просвещение ежегодно увеличивались, однако доля этих затрат в общественных фондах потребления постепенно снижалась⁸. Если в 1950 г. расходы на просвещение составляли более 38% в суммарном объёме общественных фондов потребления, то в 1955 г. — 35%, в 1960 г. — около 29%, а в 1975 г. — менее 28%⁹.

В Российской Федерации расходы на школьное дело в исчислении на душу населения, на школу, на одного учащегося были, как правило, значительно меньше, чем в других союзных республиках. Так, расход на душу населения по графе «Просвещение» в бюджете СССР на 1957 г. составлял 259 руб., по Эстонской ССР — 354 руб., по РСФСР — 256 руб. Что касалось расходов непосредственно на нужды школьного образования, то по этим расходам в расчёте на душу населения РСФСР занимала 12 место среди союзных республик, а по расходам в расчёте на одну школу ей приходилось довольствоваться 13 местом. В расходах на одного учащегося Российская Федерация также отставала от союзных республик. В 1957 г. Латвийская ССР тратила на одного учащегося 976 руб. в год, Армянская ССР — 947 руб., в РСФСР ассигнования на одного учащегося составляли в 1957 г. 845 руб., а в бюджете на 1958 г. эта сумма уменьшилась до 813 руб.

Следствием такой политики в сфере образования было то, что в середине 1950-х гг. РСФСР занимала *последнее место* среди союзных республик по числу

специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве и культуре, в сопоставлении с общим числом рабочих и служащих. В 1956 г. в целом по СССР этот показатель составлял 5%, в РСФСР — 4,6%, в Грузинской ССР — 11,3%, в Армянской — 9,2% и т.д. По мнению начальника Планово-финансового управления Министерства просвещения РСФСР И. Кузнецова, «эти данные в какой-то мере показывают на то, что Министерство финансов СССР при определении расходов на нужды учреждений Министерства просвещения РСФСР допускает очевидную неравномерность и несправедливость»¹⁰.

Многие социальные инициативы правительственных органов, имевшие целью сократить бюджетные расходы на образование, вызывали серьёзную критику со стороны руководителей учреждений и ведомств, а также со стороны местных советских и партийных органов. В 1967 г. в течение нескольких месяцев в высших эшелонах власти велась дискуссия, вызванная предложением Госплана СССР изменить с 1 января 1968 г. существовавший порядок материального обеспечения учащихся в системе профессионально-технического образования. В частности, Госплан СССР предлагал прекратить предоставление бесплатных услуг учащимся (питание, обмундирование и др.) и заменить их выплатой стипендий. Это давало существенную экономию в расходах. Государственный комитет по профессионально-техническому образованию настаивал на сохранении прежнего порядка материального обеспечения учащихся, мотивируя свою точку зрения тем, что «в профессионально-технических училищах обучается молодёжь, как правило, из малообеспеченных семей, нуждающихся в значительной помощи государства на период получения рабочих профессий». Как показали материалы проведённого в 1967 г. обследования, из 1708 тыс. учащихся профессионально-технических училищ 30% — это сироты и воспитанники детских домов, а 70% — это дети из малообеспеченных семей, в которых доход на одного члена семьи был в среднем в два раза ниже прожиточного минимума¹¹. «В настоящее время, — аргументировал свою позицию Государственный комитет по профессионально-техническому образованию, обращаясь за поддержкой в ЦК КПСС, — на одного учащегося профессионально-технического училища в среднем расходуется в месяц 18–20 руб. на питание и 6 руб. на обмундирование. Принимая во внимание вышеуказанный состав учащихся и материальную обеспеченность их семей, практически нельзя возложить на многих родителей эти расходы»¹². Кроме того, в технических училищах выплачивалась стипендия от 18 до 36 руб. в зависимости от отраслей народного хозяйства, для которых готовились кадры квалифицированных рабочих. Все эти и другие выплаты и льготы Госплан предлагал заменить единой стипендией в размере 20 руб. в месяц.

Вопрос рассматривался в специальной правительственной комиссии с участием представителей советов министров союзных республик. Доводы сторон обсуждались на заседании Президиума Совета министров СССР. В итоге было принято решение сохранить существовавшую систему материального обеспечения учащихся профтехучилищ. Более того, Государственному комитету по профессионально-техническому образованию удалось добиться увеличения норм расходов на бесплатное питание, о чём настойчиво просили и учащиеся, и руководители

училищ. Дискуссия по этому вопросу продолжалась и в последующие годы, когда численность учащихся, обеспечиваемых бесплатным питанием, возросла до 75% от общего числа учащихся. Своё мнение высказали и экономисты Министерства финансов СССР: «Затраты на бесплатное питание, обмундирование не стимулируют улучшение качества обучения, поскольку они не поставлены в зависимость от успеваемости, как, например, выплата учащимся училищ стипендий. Бесплатное материальное обеспечение ослабляет влияние родителей на воспитание подростков. Часть расходов родителей по содержанию детей перекладывается на государство»¹³. Теоретически эта точка зрения была верной, но она не учитывала состава учащихся, который на протяжении ряда лет практически не менялся. Между тем именно в 1970-е гг. государство официально признало проблему бедности, начав выплачивать пособия на детей малообеспеченным семьям. Дискуссию по вопросам материального обеспечения учащихся учебных заведений системы профессионально-технического образования нельзя назвать межведомственным спором, поскольку она была обусловлена не межведомственными разногласиями, а принципиально разными подходами к решению социальных проблем.

Безуспешной оказалась и другая попытка финансовых органов сэкономить на просвещении. В 1966 г. правительственная комиссия по сокращению бюджетных расходов предложила увеличить наполнение классов в общеобразовательных школах союзных республик на 2 учащихся. При обсуждении проекта бюджета 1967 г. по расходам на народное образование это предложение было учтено, и Министерство финансов СССР провело соответствующие сокращения расходной части бюджета.

Против такой школьной политики резко выступили руководители многих республик. Они справедливо указывали, что планируемое увеличение наполнения классов приведёт на местах к ликвидации многих небольших начальных школ и даже некоторых семилетних. Средний радиус обслуживания сельских школ доходил во многих регионах до четырёх и более километров. «Ввиду разбросанности сельского населения такое сокращение школьной сети и увеличение наполняемости классов не является возможным», — говорилось, например, в заявлении в ЦК КПСС министра просвещения Эстонской ССР¹⁴. После обсуждения вопроса на правительственном уровне Госплан СССР и Министерство финансов изменили свои первоначальные планы. На 1967 г. увеличение наполнения классов общеобразовательных школ было запланировано на 0,7 человека, а не на 2, как предусматривалось ранее.

Иногда в погоне за снижением текущих расходов на просвещение советское руководство принимало непродуманные решения, которые имели серьёзные отрицательные последствия. Так, например, 2 июня 1959 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли совместное постановление «О расширении самообслуживания в общеобразовательных школах, школах-интернатах, детских домах, профессионально-технических, суворовских училищах, в средних специальных и высших учебных заведениях». В соответствии с этим постановлением в школах страны стала широко внедряться система самообслуживания, и, соответственно, повсеместно был значительно сокращён штат школьных уборщиц и обслуживающего персонала.

Это привело к тому, что во многих школах даже ученики младших классов стали привлекаться к мытью и натирке полов, при этом им приходилось поднимать и передвигать тяжёлые парты. Вместо привлечения школьников к уборке только классных помещений, в большинстве учебных и учебно-воспитательных заведений на детей полностью возлагалась уборка зданий (коридоров, столовых, спортивных залов), заготовка дров, приготовление пищи, мытьё и ремонт окон, в том числе и расположенных на 2–3 этажах.

Эти и другие злоупотребления системой самообслуживания выявили органы здравоохранения союзных республик, проводившие в первой половине 1966 г. массовую проверку организации и осуществления работ по самообслуживанию в учебно-воспитательных учреждениях. В январе 1967 г. в ЦК КПСС поступила докладная записка министра здравоохранения СССР, академика Б. В. Петровского, в которой сообщалось, что «в ходе проверки был выявлен ряд серьёзных нарушений в организации и проведении работ по самообслуживанию: в подавляющем большинстве школ работы проводятся без учёта возраста, пола, физических возможностей, состояния здоровья детей и без соблюдения правил личной гигиены».

В записке министра указывалось, что нигде учащиеся не были обеспечены спецодеждой для целей самообслуживания, в большинстве школ не было горячей воды, во многих школах отсутствовали предметы личной гигиены (мыло, полотенца), из-за отсутствия умывальников, а также горячей, а нередко и холодной воды учащиеся после уборки не имели возможности вымыть руки. Использование холодной воды в зимнее время вело к частым простудным заболеваниям. Сложившаяся практика уборки туалетов, умывальных комнат и классных помещений резко повышала опасность заражения гельминтами и острыми кишечными инфекционными заболеваниями, таила в себе эпидемическую угрозу.

В качестве доказательства Петровский приводил такую статистику: в Тбилиси удельный вес заболеваемости школьников дизентерией, инфекционным гепатитом и заражённости гельминтами в 1965 г. по сравнению с 1958 г. (до введения самообслуживания) стал выше: инфекционным гепатитом — в 25 раз, дизентерией — в 2 раза, гельминтами — в 1,5 раза. В 1965 г. в 243 школах Москвы были зарегистрированы вспышки инфекционного гепатита. Обследования, проведённые в некоторых союзных республиках, показали, что в школах Белоруссии от 25 до 65% детей были заражены гельминтами, в Минске этот показатель составлял 30%. В Молдавской ССР уровень заражения гельминтами был также высок и доходил в отдельных районах до 42%¹⁵. И это несмотря на то, что во всех союзных республиках органы здравоохранения регулярно проводили среди школьников массовые мероприятия по дегельминтизации. Результаты проверки однозначно свидетельствовали о том, что отсутствие необходимого штата уборщиц и технического персонала оказывало крайне неблагоприятное влияние на санитарное состояние и содержание школьных помещений.

Резко критикуя насаждавшуюся в советских школах систему самообслуживания, министр здравоохранения СССР пытался убедить членов ЦК КПСС, что нельзя осуществлять самообслуживание «без обеспечения школ горячей водой, убороч-

ным, в том числе электрическим механизированным инвентарём, спецодеждой для учащихся и без создания необходимых условий для соблюдения детьми правил личной гигиены»¹⁶. Высшее партийное руководство не возражало против доводов академика Петровского, однако систему самообслуживания ни в тот период, ни позже так и не отменило. Государство испытывало серьёзные трудности с финансированием системы образования и настойчиво искало пути снижения текущих расходов, не всегда учитывая возможный негативный характер социальных последствий проводимых мероприятий.

¹ Собрание постановлений Правительства СССР. 1940. № 27. Ст. 637.

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А. А. Фурсенко. С. 65, 904.

³ Правда. 1956. 10 июня.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 18. Д. 66. Л. 80, 81.

⁵ Там же. Л. 152.

⁶ Там же. Л. 146.

⁷ Там же. Л. 153.

⁸ ЦСУ СССР относил к общественным фондам потребления следующие направления расходов: на просвещение, здравоохранение и физическую культуру, социальное обеспечение и социальное страхование, на содержание жилищного фонда; единовременные премии, не входящие в фонд заработной платы, а также на оплату очередных отпусков рабочим и служащим.

⁹ Развитие и финансирование общественных фондов потребления. М.: Финансы, 1978. С. 58.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 66. Л. 160–164.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 49. Л. 75, 79.

¹² Там же. Л. 76.

¹³ Развитие и финансирование общественных фондов потребления. С. 114.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 39. Л. 70, 71.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 50. Л. 27–31.

¹⁶ Там же. Л. 31.